

Аналитическая статья

УДК 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.7

МИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЗ СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Табасаранский Р. С.

Российский государственный социальный университет,
Москва, Россия,

tabasaranskiys@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7063-2973>

Аннотация. В статье рассматривается необходимость применения новых подходов к изучению проблем миграции в мире. Стабильный рост миграционных потоков и устойчивость причин для массового перемещения людей позволяют рассматривать процесс миграции не только как социальное явление, но и как социальный институт. Такой подход открывает возможность более качественного анализа проблем миграции в условиях, когда старые идеологические обоснования глобализации испытывают серьезную трансформацию. Рассмотрение миграции как социального института отвечает тенденциям формирования многополярного мира. Институционализация миграции становится ответом на многочисленные вызовы современности, такие как природные катаклизмы, пандемии, войны. Определяющее значение при этом приобретает проблема диалога культур, способствующего процессам интеграции, предупреждающего эскалацию различных видов конфликтов, в целом гармонизирующего социальные отношения. В данной статье, на базе опыта фундаментальных и прикладных исследований феномена миграции, предпринимается попытка раскрыть существенные аспекты этого явления, в особенности сосредоточив внимание на механизмах превращения миграции в социальный институт.

Ключевые слова: миграция, социальный институт, глобализация, диаспора, диалог культур

Для цитирования: Табасаранский Р. С. Миграция в современном мире: трансформация из социального явления в социальный институт // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 2 (46). С. 76–89. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.7

Analytical article

UDC 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.7

**MIGRATION IN THE MODERN WORLD:
TRANSFORMATION FROM A SOCIAL PHENOMENON
INTO A SOCIAL INSTITUTION**

Rufat S. Tabasaranskiy

Russian State Social University,

Moscow, Russia,

tabasaranskiyrs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7063-2973>

Abstract. The article discusses the need for new approaches to the study of migration problems in the world. The steady growth of migration flows and the stability of the reasons for the mass movement of people allow us to consider the migration process not only as a social phenomenon, but also as a social institution. Such an approach is able to provide a qualitative analysis of migration problems in new conditions, when the old ideological justifications of globalization are undergoing a serious transformation. Considering migration as a social institution corresponds to the trends of the formation of a multipolar world. The institutionalization of migration is becoming a response to the numerous challenges of our time, such as natural disasters, pandemics, and wars. In this case, the problem of the dialogue of cultures, which contributes to the processes of integration, prevents the escalation of various types of conflicts, and generally harmonizes social relations, becomes of decisive importance. In this article, based on the experience of fundamental and applied research on the phenomenon of migration, an attempt is made to reveal the essential aspects of this phenomenon, in particular focusing on the mechanisms of transformation of migration into a social institution.

Keywords: migration, social institution, globalization, diaspora, dialogue of cultures

For citation: Tabasaranskiy, R. S. (2023). Migration in the modern world: transformation from a social phenomenon into a social institution. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (46), 76–89. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.46.2.7>

Введение

Массовая миграция людей по всему миру связана с текущими тенденциями глобализации. Однако сами идеологические обоснования глобализации, как и объективная практика этого процесса, в современном мире находятся под постоянным изменением. В свою очередь, это влияет и на миграцию в целом. Основные особенности современной

глобализации определяются такими факторами, как рост социального неравенства внутри стран и между государствами, нарастание тенденций к образованию многополярного мира с несколькими глобальными лидерами и рост противостояния между ними в информационном поле. В свою очередь, это провоцирует усугубление конфликта ценностей разных народов и культур.

Эти факторы неизбежно ведут к необходимости нового понимания процессов миграции на планете и формулированию новой парадигмы миграционных процессов, которую можно охарактеризовать как постглобализационную.

Безусловно, свой вклад в миграционные потоки осуществляют новые технологии, переход к новым технологическим укладам и другим моделям энергетического обеспечения потребностей человечества.

Немаловажным фактором стало и глобальное изменение климата, заставляющее огромные массы людей не просто искать лучшей жизни в других точках мира, но покидать родные места проживания, спасаясь от голода, засухи, наводнений, похолодания и вызванных этими явлениями вооруженных конфликтов.

При этом стоит учитывать, что помимо объективных изменений, связанных с трансформацией условий жизни социума, вмешиваются такие политические факторы, как провоцирование в разных странах цветных революций, умышленное ограничение потенциалов государств, а также иные спланированные экономические и политические кризисы.

Все эти причины роста миграции постоянно воспроизводятся в мире и усугубляют существующие проблемы. Для понимания процессов массовой миграции на нынешнем витке общественного развития, требуются совершенно новые подходы к изучению процессов миграции. Одно из направлений этого — восприятие миграции не только как социального явления, но и как социального института с характерными для него собственными организационными структурами, целями, морально-нравственными установками.

Постановка проблемы

По данным Отдела народонаселения ООН [*Основные показатели международной миграции...*, 2021], в 2000 году в мире насчитывалось 171 миллион человек, живущих за пределами своей родной страны. В 2010-м — этот показатель вырос до 221 миллиона, а по итогам 2020-го уже 281 миллион человек жили в государствах, в которых не родились. Налицо увеличение не только числа переселенцев, но и постоянно возрастающая динамика процесса массовой миграции.

При этом наиболее негативным фактором можно считать постоянное увеличение числа тех, кто вынужден покидать свои привычные места обитания, спасаясь от войн, репрессий и других преследований. В 2000 году таких

людей было 17 миллионов человек, в 2010-м — уже 34 миллиона. И если в 2020 и 2021 годах общее число мигрантов сокращалось из-за введенных ограничений в связи с пандемией коронавируса COVID-19, то количество беженцев, спасающихся от войн, репрессий и преследований увеличивалось. В 2021 году такая вынужденная миграция достигла исторического рекорда, составив 84 миллиона человек [Итоги 2021 года..., 2021]. Наиболее пострадавшими от всплесков насилия странами оказались районы в Центрально-Африканской Республике, суданском Дарфуре, восточных регионах Демократической Республики Конго, Афганистане. Более миллиона человек покинули свои дома в Мексике и странах Центральной Америки из-за войн наркокартелей и разгула преступности.

Рост числа мигрантов в мире обуславливает и увеличение роли миграции в экономическом развитии стран. По интерактивным данным МОМ [World Migration Report, 2022] за 2022 год, денежные переводы трудовых мигрантов в Индию с 2010 по 2020 год выросли с 53,5 млрд долл. до 83,2 млрд долл., в Мексику — с 22,1 млрд долл. до 42,9 млрд долл. Одновременно переводы из США выросли с 50,5 млрд долл. до 68 млрд долл., а из Германии — с 14,7 млрд долл. до 22 млрд долл.

Усугубление экономических проблем, рост социального неравенства по всему миру приводит, в свою очередь, к увеличению эксплуатации женщин и детей. Наиболее распространенными в этом плане явлениями стали сексуальная эксплуатация, принудительные браки и даже изъятие органов. От последнего фактора страдают прежде всего женщины.

По различным данным, только в Лондоне было выявлено свыше тысячи «домашних рабов» [Leathly, 1996]. При этом попытки решить проблему только усугубляют ее. В 2016 году правительство Великобритании подверглось критике из-за прекращения выдачи виз для иностранной домашней прислуги, что еще больше ухудшило ситуацию для тех, кто уже находится в стране. Отсутствие контроля и регулирования этой практики затруднило точную оценку масштабов проблемы [Non-standart employment around the world..., 2016].

Согласно выводам экспертов МОМ, торговля людьми остается важной проблемой как для развитых стран Европы, так и для развивающихся государств на других континентах. В Старом Свете преобладающими случаями (около 56 %) торговли людьми является покупка живого товара для сексуальной эксплуатации [World Migration Report, 2022].

Неустроенность на новом месте, проблемы с легализацией, разница культур между мигрантами и коренным населением страны пребывания обуславливают широкое вовлечение мигрантов, особенно детей и подростков, в различного рода экстремистские организации, часто псевдорелигиозного толка. Неизбежно происходит процесс объединения мигрантов по этническому признаку и признаку места происхождения.

Однако постоянный рост миграции показывает, что прежние подходы к интеграции прибывших мигрантов не работают. Мигранты пытаются не просто

сохранить свою культурную идентичность, но и агрессивно навязать ее окружающим.

Нерациональность применения прежних подходов к миграции наглядно проявилась на примере законодательства европейских государств, где долгое время даже отсутствовала особая ответственность за терроризм [*Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом*, 2002].

Рост числа мигрантов в развитых странах также негативно сказывается в целом на рынке труда. За счет большого притока рабочей силы замедляется рост заработной платы легальных сотрудников предприятий, в том числе и коренных жителей. Увеличивая предложение рабочей силы, миграция оказывает давление на заработную плату, причиняя вред местным работникам, по крайней мере тем, кто обладает схожим уровнем квалификации.

Процесс обесценивания труда работников ведет к образованию особого класса — прекариата, по выражению Г. Стендинга [Стендинг, 2014]. Этот класс отличается высокой маргинальностью и повышенным психологическим иждивенчеством, то есть убежденностью, что кто-то посторонний должен решать проблемы людей.

Не стоит сбрасывать со счетов и такой аспект, как использование массовой миграции в геополитических целях теми или иными государствами. Наиболее ярко это проявилось после «арабской весны» 2011 года, когда Турция стала буквально шантажировать Европейский союз и правительства государств Старого Света миллионными потоками мигрантов. Долгий, почти десятилетний период нестабильности на Ближнем Востоке позволил Анкаре сделать шантаж мигрантами долгосрочным фактором политики. В ответ государства ЕС были вынуждены рассматривать вопрос о введении ограничений на перемещение людей внутри объединения. В свою очередь, это негативным образом сказалось на экономике государств [Lanati, Venturini, 2021].

Одновременно большие потоки мигрантов многократно увеличили масштабы деятельности преступных организаций, организующих перевозку мигрантов. По сведениям управления ООН по наркотикам и преступности, только в США нелегально прибывают каждый год до 3 миллионов человек, что приносит криминалу не менее 6,6 млрд долл. [*Незаконный ввоз мигрантов...*, 2009].

Все вышеперечисленные факторы говорят о том, что для выработки решений в сфере массовой миграции уже невозможно рассматривать статически, как некое постоянное явление. Соответственно, остро встает вопрос о поиске новых подходов к изучению миграции.

Особенностью новых подходов должно быть признание таких очевидных фактов, как постоянный рост миграционных потоков, усугубление вызывающих миграцию факторов, увеличение последствий массовой миграции.

Предметом исследования в данной статье является феномен миграции в современном социальном пространстве.

Методологией выступает системный и диалектический подходы, методы дедукции, индукции, анализа и синтеза. В анализе миграции также использовался

принцип социокультурной детерминации, позволивший рассматривать феномен миграции в контексте всего спектра социальных процессов. Методологическую базу исследования составили фундаментальные и прикладные исследования по проблемам миграции, а также нынешнего состояния современного общества.

Результаты

Ряд современных исследователей в связи с этим предлагают рассматривать миграцию не просто как некое социальное явление, а как социальный институт, со своими принципами работы, своей экономикой и своими моральными ориентирами [Strik, 2021].

Новая философская энциклопедия дает следующее определение социального института: «1) социальное установление как комплекс самых общих социальных (политических, правовых, моральных, религиозных и т. п.) норм, правил и принципов, культурных образцов, привычек, типов мышления и моделей поведения, определяющих сущность и устойчивость социальных явлений, обуславливающих и регулирующих социальные отношения, деятельность человека в различных областях ее приложения; 2) социальное образование, или учреждение — социальная единица надиндивидуального уровня, организация, выступающая субъектом социальных отношений и действий» [*Новая философская энциклопедия*, 2010].

Исходя из такого определения, можно вкратце сделать вывод, что институт предполагает наличие некоей организационной структуры, пусть и неформальной, набора ценностных ориентиров и существование социальной проблемы [de Naas, 2021]. С этой точки зрения есть все основания говорить о явлении миграции как о самостоятельном социальном институте.

Сложно отрицать, что социальная проблема миграции существует и становится все более значимым фактором в экономике, политике и геополитике. Некоторое время назад миграция воспринималась как во многом спонтанный процесс, который возникал как следствие отдельных эпизодических событий, как революции, засухи, войны и так далее. Однако сейчас видно, что все факторы, приводящие к возникновению больших миграционных потоков, постоянно воспроизводятся. Увеличение числа мигрантов в мире свидетельствует о том, что процессы миграции в ближайшее время смогут заметно снизиться. Глобальные изменения климата, разрыв между богатыми и бедными, социальное неравенство, связанные со столкновением культур проблемы только нарастают.

В свою очередь, все более злободневной становится проблема встраивания мигрантов в имеющиеся социальные структуры в странах пребывания, а также столкновения разных ментальностей у прибывающих людей и коренных жителей.

При этом плохо работают те модели ассимиляции мигрантов, которые работали ранее. В современных условиях при нынешних масштабах миграции и трансформаций социальной жизни идеи плавильного котла и мультикультурализма показывают свою нежизнеспособность. Ведь плавильный котел изначально предполагает растворение меньшинств в культуре большинства и их постепенное исчезновение с культурного поля. В условиях нарастания миграционных потоков способность принимающего общества к ассимиляции со временем заметно ослабевает.

В то же время политика мультикультурализма предполагает, что на одной территории могут мирно сосуществовать разные традиции и культуры. Однако разница в образовании, культурных традициях, социальном положении между коренными жителями развитых стран и прибывающими мигрантами из развивающихся государств настолько велика, что сохранение культурного многообразия грозит полным развалом общества принимающей стороны.

Проблему представляет и принятие мигрантами новой идентичности, так как всегда есть риск утери вообще всяких корней. Как замечает З. Бауман, проблема идентичности ныне «состоит не только в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряла ценность» [Бауман, 2002, с. 185].

Поэтому в современном мире есть смысл говорить не об использовании старых методик ассимиляции мигрантов как плавильный котел и мультикультурализм, но о новом формате взаимодействия между людьми — выстраивании диалога культур. Диалог, в свою очередь, предполагает «общение с культурой, реализация и воспроизведение ее достижений, обнаружение и понимание ценностей других культур» [Baptiste, Ross Gooden, 2021].

Основная особенность диалога культур как равноправного общения позволяет осуществить главное: дать человеку понимание места своей культуры и своей идентичности в современном мире. Это позволит разным народам не просто сосуществовать, а эффективно взаимодействовать друг с другом. Причем основной движущей силой такой межкультурной коммуникации должно быть стремление людей адаптироваться к окружающей реальности, к многообразию мира. Так, в частности, определяли авторы самого понятия «межкультурная коммуникация» Г. Трейгер и Э. Холл в работе «Культура и коммуникация. Модель анализа» [Trager, Hall, 1954].

По мнению М. Эпштейна, также можно говорить о формировании транскультуры, определяемой как «состояние виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам» [Berry, Epstein, 1999]. Такой транскультурный индивид находится «на выходе из своей культуры и на перекрестке с чужими».

Социальную транскультурность при этом еще предстоит сформировать. Этот процесс может идти более успешно у отдельных индивидов. Однако с точки зрения образования больших социумов, человечество находится только в самом начале большого пути. При этом пространства пересечения разных

культур представляются как находящиеся в самом нестабильном состоянии. Существование на подобной территории характеризуется сложным переплетением разных идентичностей (этнических, социальных, региональных, профессиональных), их общностью и различием исторических судеб, разновекторностью ценностных ориентаций.

В такой системе диалога культур многообразии социокультурных явлений должно рассматриваться как взаимодействие разнообразных социокультурных типов. При этом определенную сложность представляет выработка общепринятых понятий о пристойном внешнем виде, образе поведения в социуме. Примером успешного процесса диалога культур в современном мире можно считать идущую по пути модернизации многонациональную и многоконфессиональную Индию. По разным подсчетам, там проживает почти 1500 этносов, говорящих на разных языках, исповедующих разные религии и традиционно разделенных по принципу принадлежности к той или иной региональной культуре. Общий модернизационный проект, то есть единые цели у разных обществ в плане экономического и социального развития, позволяет, несмотря на консервативный характер общества, вовлекать все более широкие слои населения [Bates, Carter, 2021]. Использование имеющегося опыта, его изучение само по себе говорит о возможности взаимного проникновения ценностных установок из разных культур.

При этом важно осознавать, что диалог культур может происходить не только в конструктивном русле, но и в виде конфликта. Угроза конфликтных форм взаимодействия культур тем острее, чем больше разница между ценностными установками и традициями. Проблемы межкультурного диалога были четко сформулированы американским исследователем С. Хантингтоном. По его мнению, конфликты могут проходить по неким линиям разлома. Самые крупные линии конфликта могут протий между цивилизацией Запада и остальным миром [Хантингтон, 2003, с. 105]. Конфликты будут возникать как на микроуровне, где идет борьба за власть и энергоресурсы, так и на макроуровне, где сталкиваются уже разные концепции распространения влияния на мир. По мнению Хантингтона, межкультурные столкновения намного опаснее, чем любые межнациональные. Для преодоления глобальных проблем требуется союз хотя бы двух цивилизаций.

Некоторые исследователи считают, что более оправданно говорить не о столкновении цивилизаций, а о формировании в современных реалиях многополярного мира [Sugiharto, 2021]. То есть на планете формируется несколько крупных центров притяжения различных культур. Таким образом, существует мир с центром в России, китайский мир и другие. При этом западный мир определяется не как единый, а разнородный, состоящий из различных европейских культур.

В соответствии с этой концепцией диалог культур должен строиться не как широкая дискуссия между множеством самых разных этнических, расовых, религиозных и субкультурных образований. Диалог культур может быть более успешным, если акторами взаимодействия будут выступать несколько

глобальных центров. Но такой диалог требует формирования определенной культуры. При этом сам диалог с каждой стороны может строиться как отображение самой культуры того или иного глобального центра. И здесь на первый план выходит проблема отношения к чужой культуре, которая становится значимой характеристикой самой культуры.

Если говорить об организационных структурах социального института миграции, то большое значение продолжают сохранять различные национальные диаспоры. Диаспоры понимаются как «части народа или группы народов, расселившихся вне страны этнического происхождения» [Bunce, 2021].

Значение диаспор в современном диалоге культур может быть в адаптационном механизме для тех мигрантов, что уже окончательно оторвались от своих корней, но еще не стали своими на новом месте пребывания. Одновременно они способствуют обустройству наиболее талантливых мигрантов в стране приезда и служат проводниками для инвестиционной активности со стороны успешных мигрантов в странах исхода. К примеру, именно китайские иммигранты в странах Запада были первыми крупными инвесторами в экономику КНР после начала реформ [Dao, Docquier, Maurel, Schaus, 2021].

Наоборот, в условиях проведения политики мультикультурализма диаспоры могут стать центром замыкания в себе различных национальных культур. То есть диаспоры могут играть негативную роль заграждения, не дающего мигрантам влиться в новое общество. Таким образом, для конструктивного вхождения мигрантов в новой стране пребывания диаспора должна служить своеобразным мостом между прежними культурными установками и новыми.

Культурная самоидентификация человека — гибкий и пластичный процесс, который может идти в разные стороны. То есть самоидентификация — «трансформирующаяся структура, развивающаяся на протяжении всей жизни, проходя через преодоление кризисов, и она может изменяться в прогрессивном или регрессивном направлениях, то есть быть “успешной” (позитивной) или “негативной” (индивид отклоняет любые взаимодействия)» [Moffitt, Syed, 2021].

Диаспоральные организации также оказывают серьезное влияние на формирование образа исторической родины у мигрантов. Причем в большей степени это касается тех людей, кто родился и вырос в новой стране и имеют о месте проживания своих предков представления с чужих слов. Здесь существует опасность чрезмерной идеализации исторической родины. Еще опаснее, когда смыслом деятельности диаспоры становится «убеждение, что ее члены должны коллективно служить сохранению и восстановлению своей первоначальной родины, ее процветанию и безопасности» [Juang, Moffitt, Schachner, Reves, 2021]. Так возникает ощущение реальности, «имеющей политическую метафору разделенного народа» [Elkjaer, Iversen, 2020], что становится основой для идеологии этнонационализма.

Чтобы диаспоры становились важными и зрелыми структурами для осуществления диалога культур, важно осознавать, что «не этническая общность, а национальное государство является ключевым моментом диаспорообразования.

Диаспору объединяет и сохраняет нечто большее, чем культурная индивидуальность. Диаспора может выступать и как политический проект, реализующий особую по сравнению с этничностью миссию» [Beramendi, Stegmüller, 2020].

Диаспоры также могут играть разную роль при разрешении конфликтов, от бытовых до широкомасштабных политических. С одной стороны, диаспоры способны сами провоцировать и поддерживать противоборство. Причем не только в стране нахождения, но и на исторической родине. С другой стороны, диаспоры могут быстро улаживать различные случаи конфронтации. Могут диаспоры выступать и объектом для чужих политических манипуляций. Например, привлекаться для сбора денег в поддержку оппозиционных или провластных партий.

Одновременно диаспоры сами могут быть влиятельными субъектами политического процесса, в том числе на исторической родине. Яркий пример — поддержка сепаратистских движений тамильцев на Шри-Ланке тамильскими диаспорами, разбросанными по Европе и Северной Америке. Другой пример — работа многочисленных курдских диаспор по всему миру, помогающих курдам в Турции [Hillary, 2021]. В современном мире постепенно растет и значение так называемой мягкой силы [Скородумова, 2015].

Опыт показывает, что национальные диаспоры могут быть хорошим инструментом такого влияния на политические и социальные процессы.

Заключение

В современном мире наблюдается самый широкий спектр деятельности национальных диаспор. Многогранность подтверждает мысль, что диаспоры приобрели особенности полноценного социального института. Одновременно можно констатировать, что диаспора выполняет свои функции как социальный институт миграции.

Резюмируя, можно подчеркнуть мысль, что в современном мире миграция стала не только и не столько социальным явлением, сколько социальным институтом со всеми характерными для него признаками. Миграция в нынешних реалиях становится устойчивым образованием, регулярно воспроизводящим свою структуру и функции, поскольку комплекс проблем и потребностей в их решении в условиях кризиса глобализационного проекта и формирования многополярного мира регулярно воспроизводится. Развитие разнообразных сетевых структур мигрантов, утеря привязки мигрантов к территории делают диаспоры структурообразующими механизмами выстраивания межнациональных отношений, центрами силы и притяжения. Восприятие миграции как социального института открывает новые возможности для равноправного диалога культур и гармоничного развития больших многокультурных социумов в разных частях мира.

Список источников

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с. [Электронный ресурс]. URL: https://socioline.ru/files/5/39/bauman_zigmunt_-_individualizirovannoe_obshchestvo-2005.pdf
2. Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом / отв. ред. И. С. Власов. М.: Городец-издат, 2002. 144 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://sci.house/kniga-pravovedenie-sravnitelnoe-scibook/zarubejnoe-zakonodatelstvo-borbe-terrorizmom.html>
3. Итоги 2021 года: число мигрантов и беженцев в мире побило рекорд. Дата публикации: 30.12.2021. [Электронный ресурс] // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/12/1416332>
4. Незаконный ввоз мигрантов — суровый поиск лучшей жизни. Дата публикации: май 2009 [Электронный ресурс] // Управление ООН по наркотикам и преступности — UNODC. URL: https://www.unodc.org/documents/toc/factsheets/TOC12_fs_migrantsmuggling_RU_HIRES.pdf
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. Н – С / под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2010. С. 124 [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/index.htm>
6. Основные показатели международной миграции на 2020 год. Январь 2021 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr2020_10_key_messages_ru_1.pdf
7. Скородумова О. Б. Стратегия «мягкой силы» и ее значение в современную эпоху [Электронный ресурс] // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2015. № 215 (5). С. 52–57. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23413377>
8. Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014. 326 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://spkurdyumov.ru/uploads/2016/05/prekariat-novyy-opasnyj-klass.pdf>
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова; под общ. ред. К. Королева. М.: АСТ, 2003. 603 с. [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/politologiya/huntington-stolk_civil-a.htm
10. Baptiste H. P. Founders Forum Report 2016–2020 / H. P. Baptiste, C. Ross Gooden // *Multicultural Perspectives*. 2021. Vol. 23 (4). P. 217–219. DOI: 10.1080/15210960.2021.1986335
11. Bates C. Trust in the Indian labour diaspora / C. Bates, M. Carter // *Journal of Migration History*. 2021. Vol. 7 (2). P. 143–169. DOI: 10.1163/23519924-00702003
12. Beramendi P. The Political Geography of the Eurocrisis / P. Beramendi, D. Stegmüller // *World Politics*. 2020. Vol. 72 (4). P. 639–678. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0043887120000118>
13. Berry E. E., Epstein M. N. *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication* (with Ellen Berry). N. Y.: St. Martin's Press, 1999 [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books/about/Transcultural_Experiments.html?id=ZjCteODkZVcC&redir_esc=y
14. Bunce J. A. Cultural diversity in unequal societies sustained through cross-cultural competence and identity valuation // *Humanit Soc Sci Commun*. 2021. Vol. 8 (238). DOI: 10.1057/s41599-021-00916-5

15. Dao T. H. Global migration in the twentieth and twenty-first centuries: the unstoppable force of demography / T. H. Dao, F. Docquier, M. Maurel, P. Schaus // *Review of World Economics*. 2021. Vol. 157 (2). P. 417–449. DOI: 10.1007/s10290-020-00402-1
16. de Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // *Comparative Migration Studies*. 2021. Vol. 9 (1). P. 2–35. DOI: 10.1186/s40878-020-00210-4
17. Elkjaer M. A. The Political Representation of Economic Interests / M. A. Elkjaer, T. Iversen // *World Politics*. 2020. Vol. 72 (2). P. 254–290. DOI: 10.1017/S0043887119000224
18. Hillary L. Down the Drain with General Principles of EU Law? The EU-Turkey Deal and 'Pseudo-Authorship' // *European Journal of Migration and Law*. 2021. Vol. 23 (2). P. 127–151. DOI: 10.1163/15718166-12340097
19. Juang L. P. Understanding Ethnic-Racial Identity in a Context Where “Race” Is Taboo / L. P. Juang, U. Moffitt, M. K. Schachner, S. Pevec // *Identity*. 2021. Vol. 21 (3). P. 185–199. DOI: 10.1080/15283488.2021.1932901
20. Lanati M. Cultural change and the migration choice / M. Lanati, A. Venturini // *Review of World Economics*. 2021. Vol. 157 (4). P. 799–852. DOI: 10.1007/s10290-021-00418-1
21. Leathly A. Party to Debate Claims That Britain Is a “Slave Haven” // *Times* (London). 1996. September 23. P. 8; Girls in the Slave Trade // *Gardian*. 26.02.1996 [Электронный ресурс]. URL: <https://migration.ucdavis.edu/mn/more.php?id=1050>
22. Moffitt U., Syed M. Ethnic-Racial Identity in Action: Structure and Content of Friends’ Conversations about Ethnicity and Race / U. Moffitt, M. Syed // *Identity*. 2021. Vol. 21 (1). P. 67–88. DOI: 10.1080/15283488.2020.1838804
23. Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects. International Labour Office – Geneva: ILO, 2016. [Электронный ресурс] // International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_534326.pdf
24. Strik T. Fundamental Rights as the Cornerstone of Schengen // *European Journal of Migration and Law*. 2021. Vol. 23 (2). P. 508-534. DOI: 10.1163/15718166-12340116
25. Sugiharto S. De-westernizing hegemonic knowledge in global academic publishing: toward a politics of locality // *Journal of Multicultural Discourses*. 2021. Vol. 16 (4). P. 321–333. DOI: 10.1080/17447143.2021.2017442
26. Trager G., Hall E. Culture as Communication: A Model and Analysis. New York, 1954 [Электронный ресурс]. URL: <https://eric.ed.gov/?id=ED035325>
27. World Migration Report 2022 [Электронный ресурс] // International Organization for Migration. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive/>

References

1. Bauman, Z. (2002). *Individualizirovanoe obshchestvo [Individualized society]*. Moscow: Logos. 390 p. (In Russian). Retrieved from https://socioline.ru/files/5/39/bauman_zigmunt_-_individualizirovanoe_obshchestvo-2005.pdf
2. Vlasov, I. S. (Responsible Editor) (2002). *Zarubezhnoe zakonodatel'stvo v bor'be s terrorizmom [Foreign legislation in the fight against terrorism]*. Moscow: Gorodets-izdat. 144 p. (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnoe-zakonodatelstvo-o-borbe-s-terrorizmom/viewer>
3. *UN News* (2021). Itogi 2021 goda: chislo migrantov i bezhencev v mire pobilo record. Data publikatsii: 30.12.2021 [Results of 2021: the number of migrants and refugees

in the world has broken a record. Date of publication: 30.12.2021]. (In Russian). Retrieved from <https://newp.un.org/en/story/2021/12/1416332>

4. UNODC (2009). *Nezakonny`j vvoz migrantov — surovy`j poisk luchshej zhizni*. Data publikatsii: maj 2009 [Smuggling of migrants is a grim search for a better life. Date of publication: May 2009]. (In Russian). Retrieved from https://www.unodc.org/documents/toc/factsheets/TOC12_fs_migrantsmuggling_RU_HIREP.pdf

5. Stepin, V. S. (2010). *Novaya filosofskaya e`nciklopediya* [New philosophical encyclopedia] (v 4 volumes, vol. 3: N – S, p. 124). Moscow: Thought. (In Russian). Retrieved from <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/index.htm>

6. *Official website of the United Nations* (2020). *Osnovny`e pokazateli mezhdunarodnoj migracii na 2020 god* [Key indicators of international migration for 2020]. (In Russian). Retrieved from https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr2020_10_key_messages_en_1.pdf

7. Skorodumova, O. B. (2015). *Strategiya «myagkoj sily`» i ee znachenie v sovremennuyu e`poxu* [The strategy of “soft power” and its significance in the modern era]. *Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation*, 215(5), 52–57. (In Russian). Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=23413377>

8. Standing, G. (2014). *Prekariat: novy`j opasny`j klass* [Precariat: a new dangerous class]. Moscow: Ad Marginem. 326 p. (In Russian). Retrieved from <https://spkurdyumov.ru/uploads/2016/05/prekariat-novyj-opasnyj-klass.pdf>

9. Huntington S. (2003) *Stolknovenie civilizacij i preobrazovanie mirovogo poryadka* [The clash of civilizations and the transformation of the world order]. Moscow: AST Publishing House LLC. 105 p. (In Russian). Retrieved from [http://kyiv-heritage-guide.com/sites/default/files/ХАНТИНГТОН%20-%20Столкновение%20цивилизаций%201996\(2003\)%20603c.pdf](http://kyiv-heritage-guide.com/sites/default/files/ХАНТИНГТОН%20-%20Столкновение%20цивилизаций%201996(2003)%20603c.pdf)

10. Baptiste, H. P., & Ross, G. C. (2021). Founders Forum Report 2016–2020. *Multicultural Perspectives*, 23(4), 217–219. <https://doi.org/10.1080/15210960.2021.1986335>

11. Bates, C., & Carter, M. (2021). Trust in the Indian labour diaspora. *Journal of Migration History*, 7(2), 143–169. <https://doi.org/10.1163/23519924-00702003>

12. Beramendi, P., & Stegmueller, D. (2020). The Political Geography of the Eurocrisis. *World Politics*, 72(4), 639–678. <https://doi.org/10.1017/S0043887120000118>

13. Berry, E., & Epstein, M. (1999). *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication (with Ellen Berry)*. N. Y.: St. Martin’s Press. Retrieved from https://books.google.ru/books/about/Transcultural_Experiments.html?id=ZjCteODkZVcC&redir_esc=y

14. Bunce, J. A. (2021). Cultural diversity in unequal societies sustained through cross-cultural competence and identity valuation. *Humanit Soc Sci Commun*, 8 (238). <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00916-5>

15. Dao, T. H., Docquier, F., Maurel, M., & Schaus, P. (2021) Global migration in the twentieth and twenty-first centuries: the unstoppable force of demography. *Review of World Economics*, 157(2), 417–449. <https://doi.org/10.1007/s10290-020-00402-1>

16. de Haas, H. (2021). A theory of migration: the aspirations-capabilities framework. *Comparative Migration Studies*, 9(1), 2–35. <https://doi.org/10.1186/s40878-020-00210-4>

17. Elkjaer, M. A., & Iversen, T. (2020). The Political Representation of Economic Interests. *World Politics*, 72(2), 254–290. <https://doi.org/10.1017/S0043887119000224>

18. Hillary, L. (2021). Down the Drain with General Principles of EU Law? The EU-Turkey Deal and 'Pseudo-Authorship'. *European Journal of Migration and Law*, 23(2), 127–151. <https://doi.org/10.1163/15718166-12340097>
19. Juang, L. P., Moffitt, U., Schachner, M. K., & Pevco S. (2021). Understanding Ethnic-Racial Identity in a Context Where “Race” Is Taboo. *Identity*, 21(3), 185–199. <https://doi.org/10.1080/15283488.2021.1932901>
20. Lanati, M., & Venturini, A. (2021). Cultural change and the migration choice. *Review of World Economics*, 157(4), 799–852. <https://doi.org/10.1007/s10290-021-00418-1>
21. Leathly, A. (1996). Party to Debate Claims That Britain Is a ‘Slave Haven’. *Times (London)*. September 23, 8; Girls in the Slave Trade. *Gardian*. 26.02.1996. Retrieved from <https://migration.ucdavis.edu/mn/more.php?id=1050>
22. Moffitt, U., & Syed, M. (2021). Ethnic-Racial Identity in Action: Structure and Content of Friends’ Conversations about Ethnicity and Race. *Identity*, 21(1), 67–88. <https://doi.org/10.1080/15283488.2020.1838804>
23. *International Labour Organization* (2016). Non-standart employment around the world, shaping prospects International Labour Office. Geneva: ILO. Retrieved from https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_534326.pdf
24. Strik, T. (2021). Fundamental Rights as the Cornerstone of Schengen. *European Journal of Migration and Law*, 23(2), 508–534. <https://doi.org/10.1163/15718166-12340116>
25. Sugiharto, S. (2021). De-westernizing hegemonic knowledge in global academic publishing: toward a politics of locality. *Journal of Multicultural Discourses*, 16(4), 321–333. <https://doi.org/10.1080/17447143.2021.2017442>
26. Trager, G., & Hall, E. (1954). *Culture as Communication: A Model and Analysis*. New York. Retrieved from <https://eric.ed.gov/?id=ED035325>
27. *International Organization for Migration* (2022). World Migration. Report 2022. Retrieved from <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive/>

Информация об авторе / Information about the author:

Руфат Сергеевич Табасаранский — аспирант кафедры гуманитарных дисциплин, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия.

Rufat Sergeevich Tabasaranskiy — Postgraduate Student of the Department of Humanities Disciplines, Russian State Social University, Moscow, Russia.

tabasaranskiyrs@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7063-2973>